

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

МАЙ.

1861.

(ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛѢТИЕ.)

ЧАСТЬ СХ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.

1861.

Самою азине и пъ-пенило въ линияхъ поцаху, юко-и
-ви ои линии линицатою-съвръхъ ои азине илъ.
Чатырътъ ои линии линицатою-съвръхъ за линии
-ои възей от — хайнътъ линии за стокъ поцозу.

Възъмъ и съвръхъ ои линии поцозу въ отъ възъмъ
възъмъ ои линии ои линии и ои линии бывшътъ ои линии.

I.

ПЕДАГОГИКА и ДИДАКТИКА.

РОДНОЕ СЛОВО.

Sprache-Lernen ist etwas Höheres, als Sprachen-Lernen; und
alles Lob, das man den alten Sprachen als Bildungsmittel er-
theilt, fällt doppelt der Mutter-Sprache anheim, welche noch rich-
tiger die Sprach-Mutter hiesse. JEAN PAUL.

Ein Kind von fünf Jahren versteht die Wörter: „doch, zwar,
nur, hingegen, freilich“; versucht aber einmal von ihnen eine Er-
klärung zu geben, nicht dem Kinde, sondern dem Vater! — Im
einzigsten „Zwar“ steckt ein kleiner Philosoph.

JEAN PAUL.

Soll ich französisch reden, eine fremde Sprache, in der man
immer albern erscheint, man mag sich stellen, wie man will,
weil man immer nur das Gemeine, die groben Züge ausdrücken
kann? GÖTHE.

J'aime qu'un Russe soit Russe,
Et qu'un Anglais soit Anglais;
Si l'on est Prusse en Prusse,
En France soyons Français.

BÉRANGER.

Человѣкъ долго вдыхалъ въ себя воздухъ, прежде чѣмъ
узналь о его существованіи, и долго зналъ о существованіи
воздуха, прежде чѣмъ открылъ его свойства, его составъ и
его значеніе въ жизни тѣла. Люди долго пользовались богат-
ствами роднаго слова, прежде чѣмъ обратили вниманіе на
сложность и глубину его организма и оцѣнили его значеніе

въ своей духовной жизни. Да оцѣнили-ли и теперь вполнѣ? Если судить по ходячимъ общественнымъ мнѣніямъ, по принятымъ въ педагогической практикѣ приемамъ, по устройству учебной части въ различныхъ заведеніяхъ — то нельзя не сознаться, что до такой оцѣнки еще очень и очень далеко.

Начало человѣческаго слова вообще и даже начало языка того или другаго народа теряется точно также въ прошедшемъ, какъ начало и исторіи человѣчества и начало всѣхъ великихъ народностей; но какъ-бы тамъ нибыло, въ насъ существуетъ однакоже твердое убѣжденіе, что *языкъ каждого народа созданъ самимъ народомъ*, а ни кѣмъ нибудь другимъ. Принявъ это положеніе за аксиому, мы скоро однакоже встрѣчаемся съ вопросомъ, невольно поражающимъ нашъ умъ: *неужели все то, что выражалось въ языке народа, скрывается въ народѣ?* Находя въ языкѣ много глубокаго философскаго ума, истинно поэтическаго чувства, изящнаго, поразительно вѣрнаго вкуса, слѣды труда сильно сосредоточенной мысли, бездну необыкновенной чуткости къ тончайшимъ переливамъ въ явленіяхъ природы, много наблюдательности, много самой строгой логики, много высокихъ духовныхъ порывовъ и зачатки идей, до которыхъ съ трудомъ добирается потомъ великий поэтъ и глубокомысленный философъ, мы почти отказываемся вѣритъ, чтобы все это создала эта грубая, сѣрая масса народа, повидимому столь чуждая и философіи, и искусства, и поэзіи, невыказывающая ничего изящнаго въ своихъ вкусахъ, ничего высокаго и художественнаго въ своихъ стремленіяхъ. Но, въ отвѣтъ на рождающееся въ насъ сомнѣніе, изъ этой-же самой сѣрой, невѣжественной, грубой массы льется чудная народная пѣснь, изъ которой почерпаютъ свое вдохновеніе и поэтъ, и художникъ, и музыкантъ; слышится мѣткое, глубокое слово, въ которое съ помощью науки и сильно развитой мысли вдумывается филологъ и философъ и приходитъ въ изумленіе отъ глубины и истины этого слова, несущаго

щагося изъ самыхъ отдаленныхъ, самыхъ дикихъ, невѣжественныхъ временъ. Это явленіе, болѣе чѣмъ какое-нибудь другое, способно образумить насъ въ нашей личной гордости своимъ индивидуальнымъ знаніемъ, своимъ просвѣщеніемъ, своею индивидуальною развитостью, — болѣе чѣмъ всякое другое явленіе, способно оно напомнить намъ, что, кромѣ отдѣльныхъ, сознательныхъ личностей, отдѣльныхъ человѣческихъ организмовъ, существуютъ еще на землѣ громадные организмы, къ которымъ человѣкъ въ отдѣльности относится также, какъ кровянной шарикъ къ цѣлому организму тѣла. Гордясь своимъ образованіемъ, мы смотримъ часто свысока на простаго полудикаго человѣка, взятаго изъ нисшихъ и обширнѣйшихъ слоевъ народной массы; но если мы дѣйствительно образованы, то должны въ то-же время преклониться съ благоговѣніемъ передъ самимъ народнымъ историческимъ организмомъ, непостижимому творчеству котораго мы можемъ только удивляться, не будучи въ состояніи даже подражать, и счастливы, если можемъ хотя почерпать жизнь и силу для нашихъ собственныхъ созданій изъ родниковъ духовной жизни, таинственно кроющихся въ недрахъ народныхъ. Да, языкъ, который даритъ намъ народъ, одинъ уже можетъ показать намъ, какъ безконечно ниже стоитъ всякая личность, какъ-бы она образована и развита нибыла, какъ-бы нибыла она богато одарена отъ природы, — передъ великимъ народнымъ организмомъ.

Какъ, по какимъ законамъ, руководясь какими стремленіями, чьими пользоваясь уроками, подслушивая- ли говоръ ручья или дыханіе вѣтра — творить народъ свой языкъ? Почему языкъ немца звучитъ иначе, чѣмъ языкъ славянина? Почему въ этихъ языкахъ столько родного и столько чуждаго? Гдѣ, въ какихъ отдаленныхъ эпохахъ и въ какихъ отдаленныхъ странахъ они сходились и какъ разошлись? Что повело одинъ языкъ въ одну сторону, а другой въ другую, такъ что родные братья, сойдясь потомъ, не узнали другъ друга?

Всѣ эти вопросы составляютъ безконечную задачу филологии и исторіи; но не нужно еще быть большимъ филологомъ, а достаточно сколько нибудь вдуматься въ свое родное слово, чтобы убѣдиться, что языкъ народа есть цѣльное органическое его созданіе, выростающее во-всѣхъ своихъ народныхъ особенностяхъ изъ какого-то одного, таинственнаго, гдѣ-то въ глубинѣ народнаго духа запрятанного зерна.

Языкъ народа — лучшій, никогда не увядающій и вѣчно вновь распускающійся цвѣтъ всей его духовной жизни, начинаящейся далеко за границами исторіи. Въ языке одухотворяется весь народъ и вся его родина; въ немъ претворяется творческою силою народнаго духа въ мысль, въ картину и звукъ небо отчизны, ея воздухъ, ея физическія явленія, ея климатъ, ея поля, горы и долины, ея лѣса и рѣки, ея бури и грозы, — весь тотъ глубокій, полный мысли и чувства, голосъ родной природы, который говоритъ такъ громко въ любви человѣка къ его иногда суровой родинѣ, который высказывается такъ ясно въ родной пѣснѣ, въ родныхъ напѣвахъ, въ устахъ народныхъ поэтовъ. Но въ свѣтлыхъ, прозрачныхъ глубинахъ народнаго языка отражается не одна природа родной страны, но и вся исторія духовной жизни народа. Поколѣнія народа проходятъ одно за другимъ, но результаты жизни каждого поколѣнія остаются въ языке — въ наслѣдіе потомкамъ. Въ сокровищницу роднаго слова складываетъ одно поколѣніе за другимъ плоды глубокихъ сердечныхъ движеній, плоды историческихъ событий, вѣрованія, воззрѣнія, слѣды прожитаго горя и прожитой радости, — словомъ, весь слѣдъ своей духовной жизни народъ бережно сохраняетъ въ народномъ словѣ. Языкъ есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившія, живущія и будущія поколѣнія народа въ одно великое, историческое живое цѣлое. Онъ не только выражаетъ собою жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исче-

заетъ народный языкъ; — народа нѣтъ болѣе! Вотъ почему, напримѣръ, наши западные братья, вынесши всѣ возможныя насилия отъ иноплеменниковъ, когда это насилие, наконецъ, коснулось языка, поняли, что дѣло идетъ теперь уже о жизни или смерти самого народа. Пока живъ языкъ народный въ устахъ народа, до-тѣхъ-поръ живъ и народъ. И нѣтъ насилия болѣе невыносимаго, какъ то, которое желаетъ отнять у народа наслѣдство, созданное безчисленными поколѣніями его отжившихъ предковъ. Отнимите у народа все — и онъ все можетъ воротить; но отнимите языкъ, и онъ никогда болѣе уже не создастъ его; новую родину даже можетъ создать народъ, но языка — никогда: вымеръ языкъ въ устахъ народа — вымеръ и народъ. Но если человѣческая душа содрогается передъ убийствомъ одного недолговѣчнаго человѣка, то что-же должна-бы чувствовать она, посягая на жизнь многовѣковой исторической личности народа — этого величайшаго изъ всѣхъ созданій Божіихъ на землѣ.

Являясь, такимъ образомъ, полнѣйшею и вѣрнѣйшею лѣтописью всей духовной, многовѣковой жизни народа, языкъ въ то-же время является величайшимъ народнымъ наставникомъ, учившимъ народъ тогда, когда не было еще ни книгъ, ни школъ и продолжающимъ учить его до конца народной исторіи. Усвоивая родной языкъ, легко и безъ труда, каждое новое поколѣніе усваиваетъ въ то-же время плоды мысли и чувства тысячи предшествовавшихъ ему поколѣній, давно уже истлѣвшихъ въ родной землѣ или жившихъ, можетъ быть, не на берегахъ Рейна и Днѣпра, а гдѣ-нибудь у подошвы Гималаевъ. Все что видали, все что испытали, все что перечувствовали и передумали эти безчисленныя поколѣнія предковъ, передается легко и безъ труда ребенку, только - что открывающему глаза на міръ Божій, и дитя, выучившись родному языку, вступаетъ уже въ жизнь съ необъятными силами. Не условнымъ звукамъ только учится ребенокъ, изу-

чая родной языкъ, но пьетъ духовную жизнь и силу изъ родимой груди родного слова. Оно объясняетъ ему природу, какъ не могъ-бы объяснить ее ни одинъ естествоиспытатель; оно знакомить его съ характеромъ окружающихъ его людей съ обществомъ, среди которого онъ живетъ, съ его исторіей и его стремленіями, какъ не могъ-бы познакомить ни одинъ историкъ; оно вводить его въ народныя вѣрованія, въ народную поэзію, какъ не могъ-бы ввести ни одинъ эстетикъ; оно, наконецъ, даетъ такія логическія понятія и философскія воззрѣнія, которыхъ, конечно, не могъ-бы сообщить ребенку ни одинъ философъ.

Ребенокъ, развитіе котораго не было извращено насилиемъ, по большей части, въ пять или шесть лѣтъ, говоритъ уже очень бойко и правильно на своемъ родномъ языке. Но подумайте, сколько нужно знаній, чувствъ, мыслей, логики и даже философіи, чтобы говорить такъ на какомъ-нибудь языке, какъ говорить не глупое дитя лѣтъ шести или семи на своемъ родномъ? Тѣ очень ошибаются, кто думаетъ, что въ этомъ усвоеніи ребенкомъ родного языка дѣйствуетъ только память: никакой памяти недостало-бы для того, чтобы затвердить не только всѣ слова какого-нибудь языка, но даже всѣ возможныя сочетанія этихъ словъ и всѣ ихъ видоизмѣненія; — нѣтъ, если-бы мы изучали языкъ одною памятью, то никогда-бы вполнѣ не изучили ни одного языка. Языкъ, созданный народомъ, развиваетъ въ духѣ ребенка способность, которая создаетъ въ человѣкѣ слово и, которая, отличаетъ человѣка отъ животнаго: развиваетъ духъ. Вы замѣчаете, что ребенокъ, желая выразить свою мысль, въ одномъ случаѣ употребляетъ одно выраженіе, въ другомъ другое, и невольно удивляетеся чутью, съ которымъ онъ подмѣтилъ необычайно тонкое различие между двумя словами, повидимому очень сходными. Вы замѣчаете также, что ребенокъ, услышавъ новое для него слово, начинаетъ по большей части склонять его, спрягать и

соединять съ другими словами совершенно правильно; могло ли-бы это быть, если-бы ребенокъ, усвоивая родной языкъ, не усвоивалъ частицы той творческой силы, которая дала народу возможность создать языкъ? Посмотрите, съ какимъ трудомъ пріобрѣтается иностранцемъ этотъ инстинктъ чуждаго языка; да и пріобрѣтается-ли когда-нибудь вполнѣ? Лѣтъ 20-ть проживетъ нѣмецъ въ Россіи и не можетъ пріобрѣсть даже тѣхъ познаній въ языкѣ, которыя имѣеть трехлѣтнее дитя?

Но этотъ удивительный педагогъ — родной языкъ, не только учитъ многому, но и учитъ удивительно легко, по какому-то недосягаемо облегчающему методу. Мы хотимъ передать ребенку пять, шесть неизвѣстныхъ ему названій, семь, восемь иностранныхъ словъ, два три новыхъ понятія, нѣсколько сложныхъ событій и это стоитъ намъ значительного труда и еще больше стоитъ труда ребенку. Онъ то заучиваетъ, то опять забываетъ, и если сообщаемыя понятія сколько нибудь отвлечены, заключаютъ въ себѣ какую-нибудь логическую или грамматическую тонкость, то дитя решительно не можетъ ихъ усвоить; тогда какъ, на практикѣ, въ родномъ языкѣ, онъ легко и свободно пользуется тѣми-же самыми тонкостями, которыя мы напрасно усиливаемъ ему объяснить. Мы успокаиваемъ себя обыкновенно фразою, что ребенокъ говоритъ на родномъ языкѣ, такъ себѣ, безсознательно; но эта фраза ровно ничего не объясняетъ. Если ребенокъ употребляетъ кстати тѣ или другой грамматической оборотъ, дѣлаетъ въ разговорѣ тонкое различіе между словами и грамматическими формами — это значитъ что онъ сознаетъ ихъ различіе, хотя не въ той формѣ и не тѣмъ путемъ, какъ-бы намъ хотѣлось. Усвоивая родной языкъ, ребенокъ усвоиваетъ не одинъ только слова, ихъ сложенія и видоизмененія, но бесконечное множество понятій, возврѣній на предметы, множество мыслей, чувствъ, художественныхъ образовъ, логику и философию языка, — и усваиваетъ

легко и скоро, въ два-три года, столько, что и половины того не можетъ усвоить въ двадцать лѣтъ прилежнаго и методическаго ученія. Таковъ этотъ великий народный педагогъ — родное слово!

Но, скажутъ намъ, почему-же мы говоримъ *родное*? Развѣ не можно точно также легко, практически, выучить дитя иностранному языку и развѣ это изученіе не можетъ принести ему той-же пользы, какую приноситъ изученіе роднаго языка? Языки французскій и нѣмецкій также являются результатами многовѣковой духовной жизни этихъ народовъ, какъ и языки русскій, латинскій и греческій. Слѣдовательно, если ребенокъ съ дѣтства будетъ говорить на какомъ-нибудь иностранномъ языкѣ, то его душевное развитіе отъ этого ничего не потеряетъ, а можетъ быть еще и выиграетъ. Маленький французъ, англичанинъ, итальянецъ почерпаютъ точно такое-же сокровище, а можетъ быть и больше, изъ своихъ родныхъ языковъ, какъ и русскій изъ своего. Все это совершенно справедливо и если русское дитя, говоря съ самого дѣтства по-французски или по-нѣмцу, будетъ поставлено въ ту же самую среду, въ какую поставленъ маленький французъ и нѣмецъ, то, безъ сомнѣнія, его духовное развитіе будетъ идти тѣмъ-же путемъ, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ тѣмъ-же, какъ мы это увидимъ ниже, если примемъ въ расчетъ неподлежащей сомнѣнію фактъ наследственности национальныхъ характеровъ.

Принимая языкъ за органическое созданіе народной мысли и чувства, въ которомъ выражаются результаты духовной жизни народа, мы, конечно, поймемъ, почему въ языкѣ каждого народа выражается особенный характеръ, почему языкъ является лучшою характеристикою народа. Легкая, щебечущая, острая, смѣющаяся, вѣжливая до дерзости, порхающая, какъ мотылекъ, рѣчь француза; тяжелая, туманная, вдумывающая сама въ себя, расчитанная рѣчь нѣмца; ясная, скатая, избѣгающая всякой неопределенности, прямо идущая

къ дѣлу, практическая рѣчь британца; пѣвучая, сверкающая, играющая красками, образная рѣчь итальянца; безконечно льющаяся, волнуемая внутреннимъ вздывающимъ ее чувствомъ и изрѣдка разрываемая громкими всплесками рѣчь славянина — лучше всѣхъ возможныхъ характеристикъ, лучше самой исторіи, въ которой иногда народъ мало принимаетъ участія, знакомятъ насъ съ характерами народовъ, создавшихъ эти языки. Вотъ почему лучшее и даже единственно вѣрное средство проникнуть въ характеръ народа — усвоить его языкъ, и чѣмъ глубже вошли мы въ языкъ народа, тѣмъ глубже мы вошли въ его характеръ.

Изъ такой, неподлежащей сомнѣнію, характерности языковъ, не въ правѣ ли мы вывести заключеніе, что вовсе не безразлично для духовнаго развитія дитяти, на какомъ языкѣ оно говорить въ дѣтствѣ? Если мы признаемъ, что на душу ребенка и на направленіе ея развитія могутъ имѣть вліяніе окружающая его природа, окружающіе его люди и даже картина, висящая на стѣнѣ въ его дѣтской комнатѣ, даже игрушки, которыми онъ играетъ, то неужели мы можемъ отказать во вліяніи такому проникнутому своеобразнымъ характеромъ явленію, каковъ языкъ того или другаго народа, этотъ первый истолкователь и природы, и жизни, и отношеній къ людямъ, эта тонкая, обнимающая душу атмосфера, чрезъ которую она все видѣть, понимаетъ и чувствуетъ? Но что-же за бѣда, скажете вы, если этою атмосферою будетъ не русское, а какое-нибудь иностранное слово? Бѣды и дѣйствительно не было-бы никакой, если-бы, *во-первыхъ*, это слово нашло въ организмѣ ребенка уже подготовленную для себя родимую почву; если-бы, *во-вторыхъ*, ребенокъ былъ совершенно перенесенъ въ среду того народа, сквозь языкъ котораго открылся ему міръ Божій, и если-бы, *въ третьихъ*, ребенку суждено было жить и дѣйствовать среди того народа, языкъ котораго замѣнилъ ему языкъ родины; словомъ,

если - бы маленькому русскому предстояло во всѣхъ отношеніяхъ быть французомъ, нѣмцемъ или англичаниномъ. Но въ томъ-то и бѣда, что *первое* изъ этихъ условій вовсе не выполнимо; *второе* можетъ быть выполнено тогда, когда русское дитя станутъ воспитывать за границей, а *третье* только тогда, когда родители рѣшаются перемѣнить для своего ребенка отчизну.

Нужно-ли говорить о наслѣдственности національного характера въ организмѣ ребенка? Если мы видимъ, что дѣтамъ передаются отъ родителей такія крупныя черты физиономіи, каковъ напримѣръ цвѣтъ глазъ, форма носа, губъ, волосы, станъ, походка, мимика; то, конечно, должны предполагать, что еще вѣрнѣе передаются отъ родителей къ дѣтамъ болѣе тонкія и потому болѣе глубокія характерныя отличія; потому что чѣмъ глубже, чѣмъ скрытнѣе причина особенной характерности человѣка, тѣмъ вѣрнѣе передается она потомственno. Отъ слѣпыхъ родителей рождаются зрячія дѣти; отецъ, потерявшій руку или ногу, никогда не передаетъ этого недостатка дѣтамъ, а между тѣмъ, болѣзни, причины которыхъ такъ глубоко скрыты въ нервномъ организмѣ, что ихъ рѣшительно не можетъ отыскать медикъ, каковы, напримѣръ, чахотка, падучая болѣзнь, наслѣдственное помѣшательство и т. п., по большей части, переходятъ отъ родителей къ дѣтамъ и иногда, миновавъ одно поколѣніе, отражаются въ слѣдующемъ. Ничто такъ вѣрно не передается наслѣдственno, какъ мимика, а она есть только проявленіе скрытыхъ внутреннихъ отличій, недоступныхъ никакому микроскопу, и часто измѣняется подъ вліяніемъ образа мысли и дѣйствій. Такимъ образомъ, мы можемъ принять за неоспоримый фактъ, который, впрочемъ, слишкомъ рѣзко выражается, чтобы его можно было оспаривать, что національная особенность характера, вѣрнѣе прочихъ особенностей передается отъ родителей къ дѣтамъ. Эта - же наслѣдственная

основа характера, какъ мы уже старались доказать въ другой статьѣ, служитъ самою прочною основою для всего, что составитъ современемъ полный характеръ человѣка. То, что соотвѣтствуетъ нашимъ врожденнымъ наклонностямъ, мы принимаемъ легко и усвоиваемъ прочно; то, что противорѣчить этимъ основамъ или чуждо имъ, мы принимаемъ съ трудомъ, удерживаемъ слабо и развѣ только послѣ продолжительныхъ усилий, можемъ переработать въ свой природный характеръ. Изъ этого уже ясно само собою, что если языкъ, на которомъ начинаетъ говорить дитя, противорѣчить врожденному національному его характеру, то этотъ языкъ никогда не окажетъ такого сильнаго вліянія на его духовное развитіе, какое оказалъ-бы родной ему языкъ; никогда не проникнетъ такъ глубоко въ его духъ и тѣло, никогда не пустить такихъ глубокихъ, здоровыхъ корней, обѣщающихъ богатое, обильное развитіе.

Но этого мало. Языкъ народа, какъ мы видѣли выше, являясь полнѣйшимъ отраженiemъ родины и духовной жизни народа, является въ то-же время для ребенка лучшимъ истолкователемъ окружающей его природы и жизни. Но что - же произойдетъ тогда, если языкъ, замѣнившій для ребенка родное слово, истолковываетъ ему чуждую природу, и чуждую жизнь, которыхъ его вовсе не окружаютъ? ничего болѣе, какъ только то, что ребенокъ труднѣе, тупѣе, менѣе глубоко входитъ въ пониманіе природы и жизни, или, другими словами, развивается медленнѣе и slabѣe. Природы Франціи или Англіи, конечно, никогда не создать посреди Россіи; но если и удается создать въ своемъ домѣ чуждую сферу жизни, то какъ бѣдна эта сфера, какъ мелка она, какъ на каждомъ шагу прорывается она дырами, сквозь которыя проглядываетъ наша національность, для пониманія и выраженія которой у ребенка нѣть роднаго слова! Выписываютъ изъ-за границы нянекъ, дядекъ, гувернеровъ, гувернантокъ и даже

прислугу; отецъ и мать даже не заикаются по-русски, — словомъ, заводятъ въ домъ кусочекъ Франціи и Англіи, или Германіи, а иногда по кусочку изъ той, другой и третьей страны. Но какие это жалкие кусочки, но какое это безобразное смѣшаніе обрывковъ различныхъ національностей! О чёмъ говорятъ, чему учать эти лица, оторванныя отъ своихъ народныхъ интересовъ? И этою жалкою, искусственною атмосферою думаютъ замѣнить безконечно глубокую и питательную народную атмосферу! Отецъ и мать сами говорятъ не иначе, какъ по-французски, по-нѣмецки или англійски и говорятъ безукоризненно правильно; но неужели они думаютъ, что они знаютъ эти языки также, какъ знаютъ ихъ французъ, нѣмецъ или англичанинъ, выросшій среди своей отчизны? Нѣть, если Пушкинъ могъ учиться русскому языку у московскихъ просфиренъ, то и самимъ отчаяннымъ нашимъ французамъ и нѣмцамъ есть чему поучиться у французского или нѣмецкаго крестьянина. Мы знаемъ только вершки языка, но не спускались и не можемъ спуститься до тѣхъ его родниковъ, изъ которыхъ онъ в продолженіе тысячелѣтій почерпаетъ вѣчно юную жизнь и силу и которые не позволяютъ этому народному бассейну, отражающему въ себѣ и природу отчизны и духовную, не умирающую жизнь народа, ни изсякнуть, ни покрыться тиной. А вся обстановка жизни, а религія, отношенія къ людямъ, чувства, понятія? Ни въ какомъ случаѣ не можемъ мы передѣлать всю сферу нашей жизни такъ, чтобы сквозь нее не прорывалась наша національность и та народная атмосфера, среди которой мы живемъ. Слѣдовательно, замѣняя для ребенка его родной языкъ чуждымъ, и оставаясь жить среди Россіи, мы во всякомъ случаѣ предлагаемъ ему, вместо истиннаго и богатаго источника, — источникъ скудный и поддѣльный.

Но положимъ, что какому-нибудь очень богатому человѣку удалось перенести въ свой домъ обрывокъ Франціи или Англіи; положимъ, что въ этомъ домѣ вся обстановка и вся жизнь соот-

вѣтствуетъ характеру того языка, на которомъ говорятьъ въ этомъ домѣ; положимъ даже, и непремѣнно, что и религія обитателей этого дома тоже соотвѣтствуетъ языку, и что въ немъ нѣтъ того безобразнаго смѣшенія православнаго ханжества съ французскимъ жеманствомъ, которое хуже всякой на свѣтѣ микстуры; положимъ, словомъ, что дѣти этого счастливаго семейства развиваются точно также, какъ развивались - бы посреди Франціи въ семействѣ французовъ или въ Англіи въ семействѣ англичанъ; что - же выйдетъ тогда? Ничего болѣе, какъ только то, что дитя вмѣстѣ съ языкомъ впитаетъ въ себя французскій или англійскій характеръ, и по прихоти родителей, по глупымъ требованіямъ моды, откажется навсегда отъ своей части въ драгоцѣннѣйшемъ духовномъ наслѣдіи народа, отъ той части, которая одна только и усыновляла его родинѣ и народу. Пусть онъ выучится по томъ по - русски, какъ долженъ - бы выучиться иностранному языку, это никогда не изгладить въ его душѣ первыхъ колыбельныхъ впечатлѣній. Духъ языка, на которомъ онъ говорилъ, духъ народа, создавшаго этотъ языкъ, пустить глубокіе корни въ его душу, всосется въ его плоть и кровь и народный языкъ найдетъ почву уже занятую и не вытѣснить чуждыхъ корней; потому что, по неизмѣнному психологическому закону, всякое впечатлѣніе, которое первое занимаетъ мѣсто, ложится глубже всѣхъ прочихъ. Что - же удивительного, что человѣкъ, воспитанный такимъ образомъ, входя въ жизнь, будетъ чужимъ посреди народной жизни и, живя въ кругу подобныхъ себѣ несчастливцевъ и въ искусственной сферѣ, ими созданной, будетъ, можетъ быть, блестать въ ней, но останется на всегда чуждъ народу и не внесетъ въ его органическую жизнь ни малѣйшей пылинки? Что - же удивительного, если все, что сдѣлаетъ такой человѣкъ на поприщѣ литературномъ или въ государственной дѣятельности, будетъ носить на себѣ иноземное тавро и не привьется къ народу или

ляжетъ на него, какъ тяжелая цѣпь, или будетъ отвергнуто имъ, какъ ни къ чemu ненужная и непонятная для него вещь? Что-же удивительнаго, что-такъ воспитанный человѣкъ, не сможетъ ни единой юты прибавить къ народному наслѣдію; не сможетъ иноземнаго превратить въ народное; никогда не пойметъ народа и никогда не будетъ понять имъ, останется безполезнымъ членомъ общества и народа, а иногда и очень тяжелымъ членомъ, останется жалкимъ человѣкомъ безъ отчизны, какую-бы маску патріотизма ни надѣвалъ-бы онъ потомъ?

Еще хуже выйдетъ если ребенокъ начнетъ разомъ говорить на нѣсколькихъ языкахъ, такъ что ни одинъ не займетъ для него мѣста природнаго языка. Если намъ удалось объяснить значеніе роднаго слова въ развитіи дитяти, то нѣтъ почти и надобности объяснять послѣдствій, какія происходятъ отъ такого смѣшанія языковъ въ дѣтствѣ, при которомъ ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть названъ природнымъ. Понятно само собою, что при такомъ смѣшаніи великий наставникъ рода человѣческаго — слово, не окажетъ почти никакого вліянія на развитіе дитяти, а безъ помощи этого педагога, никакіе педагоги ничего не сдѣлаютъ. Намъ удавалось видѣть образчики дѣтей, воспитанныхъ такимъ образомъ. Это были или почти совершенные идіоты, или дѣти, до того лишенныя всякаго характера, всякой творческой силы, доступной самому слабоумному, но не извращенному воспитаніемъ ребенку, что стоило-бы представить ихъ обществу для назиданія и спасительного урока. Бѣдныя дѣти, какое страшное убійство совершили надъ вами, ваши слишкомъ заботливые родители: они не только лишили васъ родины, характера, поэзіи, здоровой духовной жизни, но изъ людей превратили васъ въ куколь для потѣхи себѣ, по требованію моды, на потѣху обществу, которое добровольно отказываетъся отъ всякаго плодовитаго участія въ жизни народной. И изъ чего и для чего все это дѣлается?

Иностранные языки могут быть изучаемы съ различою цѣлью.

Первая цѣль ознакомиться съ литературою того народа, языкъ котораго изучаются. Вторая — дать средства логического развитія уму; такъ какъ усвоеніе организма каждого языка даетъ въ этомъ отношеніи средства наилучшей умственной дисциплины, въ особенности, если этотъ языкъ развитъ такъ органически, какъ языкъ Греціи и Рима. Въ третьихъ — иностранные языки изучаются, какъ средство словесно или письменно войти въ сношеніе съ людьми той націи, языкъ которой мы изучаемъ, и въ четвертыхъ, наконецъ, для того чтобы разговаривать или переписываться на этомъ языкѣ съ нашими земляками, обладающими практическими же самыми иностранными языками.

Нѣтъ сомнѣнія, что на сколько важна и богата послѣдствіями первая изъ этихъ цѣлей, при которой языкъ является ключемъ словеснаго богатства другаго народа, настолько-же безсмысленна и пуста послѣдняя цѣль, при которой мы удовлетворяемъ требованію самой странной и дикой моды — говорить съ нашими соотечественниками на иностранномъ языкѣ. Но нѣтъ сомнѣнія даже и въ томъ, что эту именно послѣднюю, странную и диковинную цѣль при изученіи новѣйшихъ иностранныхъ языковъ имѣютъ у насъ, какъ большинство образованнаго класса такъ и многія учебныя заведенія, и что о достижениіи этой цѣли еще и въ настоящее время хлопочутъ болѣе всего наши папаши и мамаши, наши институты и пансионы.

Если бы нась занимала умственная гимнастика при изученіи иностранныхъ языковъ, то мы-бы изучали языки латинскій или греческій; если-бы нась привлекала богатая литература западныхъ народовъ, то мы изучали-бы преимущественно языки Англіи и Германіи. Но мы заботимся болѣе всего о французскомъ языкѣ и менѣе всего о его сравни-

тельно бѣдной и по духу болѣе другихъ чуждой намъ литературѣ. Если же литература Франціи изучается въ нашихъ модныхъ заведеніяхъ, то это болѣе для практики въ языкѣ, а отчасти для того, чтобы прикрыть пустоту и безмыслинность главной цѣли. Цѣль, съ которой мы изучаемъ тотъ или другой иностранный языкъ, очень важна, потому что она опредѣляетъ самый методъ изученія. Если иностранный языкъ изучаются, какъ ключъ къ его литературѣ, тогда и главное вниманіе обращено на чтеніе писателей. Если языкъ изучается какъ умственная гимнастика, тогда изучающаго вводятъ преимущественно въ логику языка и заставляютъ упражнять умъ въ подражаніи великимъ образцамъ литературы. Если языкъ изучается для практическаго обладанія имъ, тогда все вниманіе обращено на практическій навыкъ, на правильность выговора, на грамматическую вѣрность, ловкость и общеупотребительность фразы, а не на содержаніе ея. Цѣль, для которой мы изучаемъ иностранный языкъ, опредѣляетъ также выборъ учителя, выборъ учебника, время, когда мы начинаемъ учить дитя иностранному языку. Если мы изучаемъ языкъ съ литературною или логическою цѣлью, то нѣтъ надобности, и даже очень вредно для самаго изученія, начинать его слишкомъ рано, прежде чѣмъ дитя укрѣпитсѧ въ своемъ родномъ языкѣ. Если же главную нашу цѣль составляетъ разговорный языкъ и мы болѣе всего заботимся о чистотѣ выговора, тогда понятно, почему мы заставляемъ лепетать по французски младенца, заботясь о томъ чтобы нашъ родной языкъ не испортилъ ему выговора: отсюда наймы французскихъ бонъ и гувернеровъ, отсюда требованія изученія французскаго языка на равнѣ съ русскимъ въ самыхъ младшихъ классахъ учебныхъ заведеній и т. д. Что французскій языкъ изучается въ нашихъ, и въ особенности въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, не для литературы и не для умственнаго развитія, въ этомъ, кажется не можетъ

быть и сомнѣнія. Посмотрите, какъ воспитатели этихъ заведеній затрудняются дать что нибудь полное въ руки дѣвицамъ изъ французской литературы и предлагаютъ имъ обыкновенно самая жалкія хрестоматіи, гдѣ собраны обрывки изъ разныхъ авторовъ, обрывки, утратившіе всякой смыслъ и щеголяющіе только фразами. И въ самомъ дѣлѣ не дать-же въ руки дѣвицамъ Вольтера, Руссо, Гюго, Дюма, Сю, Беранже? и наши родители и наши воспитатели остались-бы очень не довольны, если-бы воспитанники и воспитанницы нашихъ заведеній вмѣстѣ съ языкомъ усвоивали мысль и духъ лучшихъ образцевъ французской литературы. Вотъ почему обыкновенно, познакомивъ дѣвицу съ изуродованнымъ Корнелемъ, Расиномъ и съ небольшими отрывочками Мольера, имъ предлагаются по большей части самая сладенькая посредственности, въ которыхъ столь-же мало мысли, сколько и истинно неподдѣльного чувства, а потомъ прячутъ отъ нихъ соблазнительные произведенія французской литературы, которыми преимущественно наполняются наши книжные магазины и, увы, наши дамскія библиотеки. Сколько жалкаго, смѣшнаго и забавнаго, какъ мало обдуманнаго, прочувственнаго во всей этой уродливой, воспитательной процедурѣ.

Тоже самое дѣлается и съ нѣмецкимъ языкомъ; но нѣмецкій языкъ стоитъ на второмъ планѣ, а потому и результаты его изученія еще болѣе жалки. Выучившись связывать нѣсколько общеупотребительныхъ нѣмецкихъ фразъ, написать безъ ошибки по нѣмецки маленькую записочку, наши воспитанники и воспитанницы модныхъ учебныхъ заведеній, отбрабанивъ на экзаменѣ строгую критику Гёте, Шиллера, Лессинга, поговоривъ о нібелунгахъ и т. д. высывавъ все, что заучили со словъ учителя, не могутъ понять полный страницы Шиллера, не говоря уже о Гёте, и не получаютъ ни охоты ни возможности заниматься нѣмецкою литературою. Но такъ какъ нѣмецкій языкъ въ разговорахъ русского обще-

ства не употребляется, то и все это длинное изученіе нѣмецкаго языка приноситъ весьма богатый плодъ: молодой человѣкъ или молодая женщина получаютъ возможность говорить съ нѣмецкимъ булочникомъ или сапожникомъ; а при выѣздѣ за границу поразить своимъ знаніемъ нѣмецкаго языка кельнера какой нибудь отели, говорящаго точно также, да еще и гораздо лучше на трехъ или четырехъ европейскихъ языкахъ.

«Все это было бы смѣшно, если-бы не было такъ грустно,» если-бы эти богатые плоды изученія иностранныхъ языковъ не стоили молодымъ людямъ лучшихъ лѣтъ жизни, большей половины учебнаго времени и дѣльного знакомства съ роднымъ языкомъ, за употребленіе котораго налагаются на дѣтей штрафы и наказанія, какъ будто за употребленіе неприличныхъ словъ, какъ будто за какой нибудь дурной поступокъ! Душа дитяти рвется выразиться въ родныхъ сочувственныхъ ей формахъ, въ которыхъ ей такъ легко и удобно развиваться, но воспитатель говоритъ, нельзя!—и не только замедляетъ, но и останавливаетъ душевное развитіе и эта остановка, безъ сомнѣнія, имѣетъ вліяніе на всю жизнь дитяти. Тупость ума и чувствъ, отсутствіе душевной теплоты и поэзіи, господство фразы надъ мыслью, вотъ результаты такихъ воспитательныхъ заботъ.

Странно конечно, но совершенно понятно то явленіе, что у насъ иностранной литературой занимаются именно тѣ, которые *самоучкою* выучились иностраннымъ языкамъ, какой нибудь гимназистъ или семинаристъ, который, если бы и рѣшился брякнуть слово по французски, то ни одинъ французъ не догадался бы что онъ хочетъ сказать. Многіе изъ нашихъ переводчиковъ съ англійскаго языка, познакомившихъ хоть сколько нибудь Россію съ сокровищами англійской литературы, не только что не умѣютъ связать десятка словъ по англійски, но если-бы вздумали прочесть въ слухъ строку

изъ любимаго и глубокого понимаемаго ими автора — то, я думаю, сами-бы испугались дикихъ звуковъ. Мы, конечно, не оправдываемъ такого полнаго пренебреженія формы, потому что въ самыхъ звукахъ скрывается многое особенности и красоты языка, но признаемся откровенно, что если намъ предстояло-бы сдѣлать выборъ, то во всякомъ случаѣ, какъ это ни покажется страннымъ для многихъ, мы предпочли-бы зерно орѣха его скорлупѣ. Но если люди, изучившіе съ самаго ранняго дѣтства, и безъ всякаго труда нѣсколько иностранныхъ языковъ, рѣдко дѣлаютъ потомъ изъ своего знанія какое-нибудь дѣльное употребленіе, то одна изъ главнѣйшихъ причинъ этого-та, что родной языкъ не имѣлъ должнаго вліянія на развитіе ихъ духовной природы. Знаніе иностраннаго языка, приобрѣтенное такимъ образомъ, не цивилизуетъ еще человѣка, и, Боже мой, сколько есть у насъ людей мыслящихъ совершенно по татарски, но не иначе, какъ на французскомъ языкѣ!

Но мы надѣемся, что изъ всего прочитаннаго никто не выведетъ, чтобы мы вооружались вообще противъ изученія иностранныхъ языковъ; напротивъ, мы находимъ это изученіе необходимымъ въ воспитаніи людей образованнаго класса и въ особенности у насъ въ Россіи. Мы скажемъ болѣе: знаніе иностранныхъ европейскихъ языковъ и въ особенности современныхъ одно можетъ дать русскому человѣку возможность полнаго, самостоятельнаго и неодностороннаго развитія а безъ этого прямой и широкій путь науки будетъ для него всегда закрытъ. Обрывочность, неясность, неполнота, односторонность, бездоказательность свѣдѣній и понятій будутъ всегда тяготѣть надъ самыми умными человѣкомъ, если онъ не обладаетъ ключемъ къ богатствамъ западной науки и литературы. Мы не только не вооружаемся противъ языкоznанія, но находимъ, что оно далеко не достигло той степени развитія въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, на которой должно

бы стоять и не только въ гимназіяхъ, семинаряхъ и корпушахъ, но даже въ тѣхъ училишахъ и институтахъ, изъ которыхъ молодые люди выходятъ съ весьма удовлетворительнымъ практическимъ обладаніемъ одного и даже двухъ иностранныхъ языковъ. Мы находимъ, кромѣ того, что изученіе англійскаго языка должно занять мѣсто наравнѣ съ изученіемъ нѣмецкаго и французскаго во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ претензіи на какую-нибудь полноту образованія. Но мы утверждаемъ только:

1) Главною цѣлью изученія каждого иностранного языка должно быть знакомство съ литературою, потомъ умственная гимнастика, и, наконецъ, уже, если возможно, практическое обладаніе изучаемымъ языкамъ; тогда какъ теперь дѣло идетъ у насъ совершенно наоборотъ.

2) Изученіе иностранныхъ языковъ не должно никогда начинаться слишкомъ рано, и никакъ не прежде того, пока будетъ замѣтно, что родной языкъ пустилъ глубокіе корни въ духовную природу дитяти. Постановить какой-нибудь общий срокъ въ этомъ отношеніи нельзя. Съ инымъ ребенкомъ можно начать изученіе иностранного языка въ 7 или 8 лѣтъ (никогда раньше), съ другимъ въ 10 и 12; съ дѣтьми, обладающими крайне слабою восприимчивостью, лучше не начинать никогда: иностранный языкъ только подавить окончательно и безъ того слабыя его способности. Но не лучше ли чтобы человѣкъ на своемъ родномъ языкѣ выражалъ сколько-нибудь порядочныя мысли, чѣмъ на трехъ выражалъ свою крайнюю глупость? Мы знаемъ, что французскій языкъ частью помогаетъ скрывать глупость человѣка, позволяя ему щеголять чужимъ умомъ, острыми и ловкими фразами и что, принудивъ такого господина говорить по русски можно только вполнѣ оцѣнить, какъ онъ глупъ; но подобнаго рода воспитательныя цѣли не принадлежатъ педагогикѣ.

3) Иностранные языки должно изучать одинъ за другимъ,

а никогда двухъ одновременно, что выходитъ уже само собою изъ того понятія о языкѣ, которое мы старались развить въ началѣ статьи.

Къ изученію втораго иностраннаго языка должно приступать уже тогда, когда въ первомъ дитя приобрѣтѣ значительную свободу. Страсть къ систематичности въ уставахъ побудила у насъ ввести въ большую часть учебныхъ заведеній одновременное и идущее совершенно паралельно изученіе двухъ иностранныхъ языковъ; по результаты оказываются самые плачевые и дѣти, гоняясь разомъ за двумя зайцами, обыкновенно не догоняютъ ни одного, и выходятъ изъ заведенія съ знаніемъ нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ и нѣсколькихъ сотъ словъ въ обоихъ новыхъ языкахъ. Но къ чему же служить имъ это знаніе? Знаніе языка тогда толькоочно, когда человѣкъ, по-крайней-мѣрѣ, начинаетъ на этомъ языкѣ читать довольно свободно, а иначе оно совершенно бесполезно. Если въ настоящее время у какихъ-нибудь училищъ нѣтъ средствъ изучить хорошо два иностранныя языка, то не лучше ли ограничиться изученіемъ одного нѣмецкаго, употребивъ для этого все время, недостаточное для изученія двухъ языковъ. Не лучше-ли знать одинъ иностранный языкъ, чѣмъ незнать двухъ? Кажется истина довольно очевидная; но напрасно, въ продолженіи четырехъ лѣтъ, мы старались уяснить ее одному очень важному педагогу; а потому да извинить насъ читатель, что мы рѣшаемся высказывать такія повидимому не хитрыя истины.

4) Изученіе того или другаго иностраннаго языка должно идти по возможности быстро, потому что въ этомъ изученій ничто такъ не важно, какъ безпрестанное упражненіе и повтореніе, предупреждающее забвение.

Назначеніе, встрѣчающееся очень часто у насъ, двухъ часовъ въ недѣлю на нѣмецкій и двухъ на французскій языкъ показываетъ только совершенное отсутствіе педагогическихъ

заній въ томъ, кто дѣлаетъ такое назначеніе. Не два и даже не четыре, а шесть, семь, восемь уроковъ въ недѣлю должно быть назначено на первоначальное изученіе иностранного языка, если мы хотимъ этимъ изученіемъ достичь какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ, а не отнять бесполезно время у дитяти. При первоначальномъ изученіи всякаго иностранного языка есть всегда скучныя трудности, которыя долженъ преодолѣть ребенокъ по возможности быстрѣ. Когда онъ начнетъ уже кое-что понимать и читать хотя какіе-нибудь легонькія вещи, тогда занятіе становится для него пріятнымъ; тогда уже ненужно ни много времени, но много усилий, чтобы поддерживать и развивать въ немъ далѣе приобрѣтенное знаніе и можно приступить къ столь же ревностному изученію втораго языка. Такъ и дѣлается вездѣ за границей, гдѣ ученіемъ хотятъ достигнуть опредѣленной цѣли, а не только выполнить заданную программу. Что же можетъ быть смѣшилѣе, безцѣльнѣе, недобросовѣстнѣе семилѣтняго или восмилѣтняго изученія французскихъ и нѣмецкихъ спряженій, которыми и до сихъ-поръ занимаются во многихъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ?

5) Чѣмъ ревностнѣе занимаются съ дѣтьми изученіемъ иностранного языка, тѣмъ ревностнѣе должны заниматься съ ними въ тоже время изученіемъ роднаго: этимъ только можно парализовать неизбѣжный вредъ, происходящій для душевнаго развитія дитяти, отъ усиленныхъ первоначальныхъ занятій иностраннымъ языкомъ. Какъ только дитя пріобрѣтаетъ возможность понимать довольно свободно что-нибудь нетрудное на иностранномъ языкѣ, то немедленно должно воспользоваться этимъ знаніемъ для изученія роднаго языка въ переводахъ съ иностранного языка на русскій, подъ руководствомъ русского учителя; изученіе же роднаго языка въ народной литературѣ, въ народныхъ пѣсняхъ, въ твореніяхъ народныхъ писателей, въ живой народной рѣчи должно посто-

янио противудѣйствовать чуждымъ элементамъ и претворять ихъ въ русскій духъ.

Но, замѣтятъ намъ, при такомъ изученіи дѣти никогда не пріобрѣтутъ того прекраснаго, чисто французскаго выговора, какой пріобрѣтаютъ они, изучая чуждый языкъ, какъ свой родной, даже прежде своего роднаго. *Это неоспоримая истина!* И для кого правильное умственное развитіе, полнота духовной жизни, развитія мысли, чувства, поэзіи въ душѣ, національность человѣка, годность его приносить пользу отечеству, нравственность и даже религія дѣтей ничто въ сравненіи съ хорошимъ парижскимъ выговоромъ, — тѣ напрасно трудились читать нашу статью.

К. Ушинскій.